

УДК 327

**МОДЕЛИ И УСЛОВИЯ РЕИНТЕГРАЦИИ
БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Ирхин А.А.

Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского

Формирование новой системы международных отношений проходит в условиях, когда две модели - не устоявшиеся основы монополярного мира и продолжающийся распад биполярной системы – накладываются на новые тенденции развития международных отношений: экономическую и информационную глобализацию, противоречивые процессы интеграции и дезинтеграции государственных систем, усиление роли транснациональных компаний и изменение влияния национальных государств в мире, глобальный экономический кризис, который трансформировал, по всей видимости, на определенный исторический период внешнеполитические подходы великих держав.

Структурирование постбиполярной системы проходит в условиях, когда США – главный мировой игрок, ЕС – центр экономического и политического роста в Евразии, Восточная Азия - новый экономический гигант, подтверждающий свой статус в новых геополитических условиях. В клуб государств, которые претендуют на лидерство различного масштаба и характера, постепенно входят Бразилия и Россия, что подтолкнуло экспертное сообщество определить новый блок потенциальных государств-лидеров - БРИК – Бразилия, Россия, которые присоединятся к уже очевидным – Индии и Китаю. В то же время, условия глобального экономического кризиса существенно ослабили экономический рост данной четверки. А наиболее энергетически богатая Россия по показателям ВВП понесла наибольшие потери.

При современном соотношении военной мощи и экономических показателей существует значительный потенциал конфликта, когда универсальный порядок, по форме основанный на доминировании США, подрывается существованием полицентрической системы. Таким образом, два взаимосвязанных, но фундаментально разных процесса – глобализация и регионализация – являются парадигмой международных отношений современного периода. При этом, они являются отражением ряда факторов технологического характера: экономическая и информационная глобализация, экологические проблемы, распространение инфекций и новых видов вирусов, техногенные аварии и т.д., которые приводят к интернационализации жизни современных государств, когда ряд проблемных вопросов может найти оптимальное решение в рамках интеграционных проектов.

Евразия, учитывая сосредоточение экономической мощи, демографических ресурсов, углеводородных запасов, а также военно-политических потенциалов государств, является главной целью субъектов мировой и региональной конкуренции.

Большое евразийское пространство (постсоветское пространство) занимает центральное место на евразийском континенте. Основная конкуренция за доминирующие позиции на нем разворачивается между США, Россией, Евросоюзом и Китаем. При этом первые два субъекта являются наиболее сильными антагонистами вследствие фундаментального различия геополитических интересов.

Проблемам развития факторов, оказывающих влияние на формирование новой системы международных отношений, посвящены научные труды следующих украинских исследователей: Б. Гуменюка, Е. Каминского, Ю. Пахомова, Ю. Павленко С. Юрченко [8], и их российских коллег: Т. Бордачёва, Б. Кагарлицкого, С. Караганова, В. Кувалдина, Ф. Лукьянова, В. Никонова, А. Панарина, А. Уткина, В. Цымбурского [6] и других.

В западном экспертном и научном сообществе данную сферу политической и исторической науки исследуют: З. Бжезинский, Б. Бюзан, Т. Грэм, М. Дойл, Д. Дрезнер, К. Кайзер, Р. Каплан, Ч. Капхен, П. Кеннеди, Р. Кеохейн, Г. Киссинджер, М. Коннелли, А. Коэн, Г. Люндстад, Дж. Най, Ч. Мейер, А. Пар, Э. Тоффлер, Дж. Фридман, С. Хантингтон, [9] и другие.

Целью данного исследования является определение параметров наиболее перспективного и исторически оправданного интеграционного проекта на территории Евразии – евразийская модель интеграции постсоветского пространства, которая являлась бы привлекательной для элит и, что наиболее важно, в условиях демократизации обществ – населения независимых государств бывшего СССР. Автор не отрицает, при прочих равных, возможности интеграции данного пространства по сценарию альтернативных Москве геополитических центров, однако в данной публикации будут проанализированы условия и модели интеграции постсоветского пространства, где основным субъектом интеграционных процессов является Россия.

Задача статьи заключается в выявлении внешних и внутренних условий реинтеграции постсоветского пространства.

Под интеграционным проектом понимается концептуальная разработка и реализация экономической, военно-политической, культурной и гуманитарной программы по интеграции государств в систему взаимодействия, включающую в себя эффективную структуру вертикального и горизонтального управления и координацию субъектов и объектов интеграции (от латинского *integrare* — превращать в целое, *integer* — целое, *integratio* — восстановление, восполнение целого). Американский экономист Ф. Махлуп проследил ретроспективу данного термина и выяснил, что он возник не ранее 1942 г., но довольно быстро стал использоваться в международных экономических отношениях: международной торговле, движении капиталов, финансовой сфере и т.д. [7].

Интеграционный проект предполагает наличие, как субъекта, так и объекта процессов объединения.

Субъект интеграции – это центр геополитической силы, способный навязывать другим государствам свою волю и одновременно предоставить гарантии защиты и другие выгоды объектам интеграции. Он обладает рядом геополитических преимуществ, которые тождественны критериям великой державы. За основу таковых могут быть приняты: конфигурация поверхности территории, особенности государственных границ, численность населения, наличие или отсутствие полезных ископаемых, экономическое и технологическое развитие, финансовая мощь, этническая однородность, уровень социальной интеграции, политическая стабильность, национальный дух [10].

Объекты интеграционных процессов – это страны, в отношении которых реализуется интеграционный проект.

При этом, как правило, пределы интеграционных объединений в пространственном контексте определяются присутствием на данных территориях вооруженных сил конкурирующих сторон. Исследование традиций экспансии позволяет выделить особенности реализации интеграционных проектов. Так, в российской интеграционной традиции доминирует военно-политическая составляющая, подкрепленная выдвижением цивилизационной вселенской идеи интеграции (Москва – Третий Рим, советская интеграция под лозунгом всемирного объединения пролетариата и идеи социальной справедливости) и только потом экономической составляющей. В то же время, современная европейская интеграция с центром в Германии (ЕС) реализуется, главным образом, на экономической доминанте при военно-политических гарантиях Североатлантического альянса. США имеют возможность совмещать экономическую и военно-политическую составляющие.

Вплоть до конца 2008 года, на региональном уровне продолжался процесс распада СССР, который сопровождался усилением центробежных тенденций в уже существующих независимых государствах. При таких условиях на первый план выходят те обстоятельства и факторы, которые разделяют отдельные части бывшего Союза, а не объединяющие и центро-стремительные тенденции.

Однако все это не означает, что в новых независимых государствах на элитном и общественном уровнях исчезли объективные интересы, подталкивающие к взаимодействию и взаимовыгодному компромиссу. Элиты этих отколовшихся пространств ищут новой формы воплощения своих интересов в новых региональных объединениях.

На постсоветском пространстве параллельно реализуются и поддерживаются центрами силы как центробежные, так и центростремительные тенденции (ОДЕР, ГУАМ, СНГ, ЕЭП, ЕврАзЭС, ШОС). При этом для каждого из выдвигаемых проектов по региональному объединению такие тенденции объективны. Ни один из предложенных за

время существования постсоветского пространства интеграционных проектов не имеет абсолютных плюсов и минусов.

Почему же постсоветская интеграция не развивается, ведь пионером по количеству выдвигаемых проектов является традиционный для региона геополитический центр – Россия?

Системный ответ на данную проблему дает тезис российского исследователя А. Парина, который отмечает, что интеграционный процесс имеет два взаимосвязанных аспекта: инструментально-прагматический; инфраструктурный, призванный обеспечить единое экономическое, информационное, правовое пространство; и духовно-ценностный, предназначенный для сообщения этому пространству высшего сакрального (ценностного) смысла [5, с. 267].

Исходя из методологии И. Валлерстайна, Россия, интегрируясь в капиталистический мир, сразу попадает в зону полупериферии за счет обладания природными ресурсами и смешанным (высокотехнологичным и традиционным, но конкурентоспособным ВПК). Причем окраины Большого российского пространства, при откалывании от центра, всегда скатываются на положение периферий с негативными экономическими и социально-политическими последствиями. Общими условиями для периферии и полупериферии является поставка сырья на внешние рынки, разрушение собственных производственных мощностей с высоким уровнем добавленной стоимости, которые не выдерживают конкуренции с зарубежными аналогами, полная зависимость социально-экономической системы от внешних рынков сбыта. Однако Россия при этом имеет ряд преимуществ: природные ресурсы в количестве, которое может поставить в зависимость, по крайней мере взаимную, поставщиков и потребителей, и потенциально развитый ВПК, способный защитить претензии на данные ресурсы от внешних сил.

Следовательно, на теоретическом уровне объективным стимулом интеграции постсоветского пространства с Россией является заинтересованность элит вывести свои общества из состояния периферии развитого мира. Однако здесь возникает важный в теоретическом и практическом плане момент – для элит постсоветского пространства «полупериферийный Кремль» ничем не лучше «непериферийного Запада».

В современных условиях, находясь в мировой хозяйственной системе, Россия на правах полупериферии, учитывая свой исторический опыт, обрекает себя на медленную деградацию, однако, именно такое положение отвечает интересам элит, которые приобщены к мировому центру сверхвысокого уровня потребления. Иной путь сулит изоляцию, которая, однако, позволяет за счет внутренних ресурсов изменить свое положение. Экономическая система СССР создавалась на основе идеи самодостаточности и минимальной зависимости от внешних факторов.

Как отмечает российский исследователь Б. Кагарлицкий: *«74 года советского эксперимента при всем его трагизме оказались временем беспрецедентного исторического величия, оплаченного столь же беспрецедентными жертвами. Эта отчаянная и героическая попытка вырваться из миросистемы завершилась поражением. Однако с крушением Советского Союза борьба не закончилась – ни для России, ни для мира. Она лишь вступила в новую фазу. В начале XXI века у России, как и у центра постсоветской интеграции, остается только один выход: изменить миросистему, преобразовать себя таким образом, чтобы одновременно изменился весь мир»* [1, с. 573].

Возможно, с полупериферийным положением связаны те беспрецедентные теневые потоки и масштабы коррупции, которые прослеживаются в экономиках постсоветского пространства. Эти действия связаны с желанием скрыть реальные доходы не только перед государством периферии, но и перед финансовым центром, мешая их перераспределению в пользу последнего.

Однако такая мотивация периферийной и полупериферийной элиты не дает ни единого шанса для интеграции постсоветского пространства, так как создание регионального экономического кластера вследствие интеграции должно быть сопряжено с несколькими условиями: модернизация, которая сулит, хотя бы временное, но отсоединение от финансового центра, ограничение потребления элитных групп, ответственность перед собственным населением, а не перед мировым экономическим и финансовым центром, разделение груза модернизации между всеми слоями, включая олигархические круги и государственную бюрократию, что автоматически ставит вопрос о коррупции элитарных слоев, и т.д.

Сам процесс модернизации экономической системы может проходить по трём ключевым направлениям: инновационной, индустриальной и сырьевой. Каждая из приведенных типов экономической и общественной модернизации имеет свои плюсы и минусы.

Анализ и моделирование развития экономической российской системы позволяет выделить две модели ее развития. Первая – российская экономика является системным элементом капиталистической западной экономики с характерными чертами сырьевой специализации и поставки продуктов на внешний рынок с низкой добавленной стоимостью. Российская элита при этой модели становится частью мировой и начинает поддерживать свой высокий уровень потребления за счет сверхэксплуатации ресурсов государственной системы, продолжается ситуация финансовой зависимости, в государстве растет социальная поляризация.

Вторая модель – это развитие российской экономики как антисистемы в отношении Запада и создание собственной самодостаточной базы на основе автаркии экономики. В этот период происходит модернизация российского пространства, репрессивные меры в отношении олигархических слоев (элиты, интегрированной в западную систему потребления, и не желающей участвовать в модернизационном проекте), создается технологическая и материальная база, позволяющая данной системе поддерживать свой проект на протяжении жизни нескольких поколений. Основой данной системы является военно-промышленный комплекс и меры по контролю за потреблением элитарных слоев российского общества, что является важным элементом в системе, производящей, в силу целого комплекса причин, национальный продукт с невысоким уровнем конкурентоспособности.

Исторический опыт показывает, что интеграция постсоветского пространства возможна в двух случаях: и в положении полупериферии, и с процессами глубокой модернизации.

Первый путь сулит большую зависимость от финансового мирового центра и ставит в полную зависимость бюджетные обязательства социальной структуры от цен на нефть и другие углеводородные ресурсы. Однако он может сам потерять смысл, если цены на сырье упадут до уровня, когда будет выгодно исключительно сырьевая специализация (период до 70-х гг. XX века).

Второй предполагает самодостаточность, функциональность и долговременность.

В исторической ретроспективе поворотными моментами перехода российского пространственного проекта от системной к антисистемной модели развития в отношении Запада являлись: 1565 год – введение опричнины и 1929 год – отмена новой экономической политики. Обратными поворотными точками бифуркации были 1860 г., и конец 80 гг. XX века. В первом случае представители российской элиты были вынуждены бежать в 1917 году, во втором антисистемный в отношении Запада проект был «продан» элитарными слоями СССР, которых уже не устраивали возможности потребления в советской социальной системе. В обоих случаях Большое российское пространство разрушалось и фрагментировалось.

Если рассматривать последний и успешный период консервативной модернизации СССР, позволивший за 20 лет с 1918 по 1938 гг. пройти путь от состояния глубокой фрагментации до региональной державы, а еще через 7 лет стать второй сверхдержавой мира, то существует одна важная проблема, которая должна учитываться в будущем. Советская система, как показал опыт Перестройки конца 80-х гг. XX века, была не способна к саморегулированию и постепенной эволюции без утраты суверенитета над пространством.

В настоящее время перед российской элитой и государственной системой, находящейся в точке бифуркации, стоит фундаментальная проблема выбора дальнейшего пути развития.

Первый путь предполагает комфортное существование постсоветской олигархической элиты в рамках дальнейшего вовлечения российской экономики в мировую систему капитализма, в качестве дополняющих экономик, сырьевых периферий и полупериферий. Данный путь не учитывает возможности развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а напротив, рассматривает их с точки зрения свободной торговли невыгодными и противоречащими интересам элит, которые стояли за дезинтеграцией СССР.

Второй, «автаркия Больших пространств», как геоэкономическая парадигма создания закрытых сфер влияния, которая предполагает обязательный императив реинтеграции. Механизм защиты такого пространства от внешнего деструктивного воздействия может варьироваться от полностью закрытой системы (принцип железного занавеса И. Сталина) до полузакрытой (протекционистские меры в экономической и информационной сферах). Важным

моментом для выживания таких систем становится период модернизации, который должен происходить согласно внешним импульсам развития открытых систем, которые обеспечивают свою устойчивость за счет технологического лидерства.

В теоретическом плане определение временных промежутков развития систем между периодами модернизации целесообразно синхронизировать с циклами развития капиталистической экономики в рамках теории С. Кондратьева. Исходя из нее, следует, что системные кризисы в капиталистической системе происходят каждые 40-50 лет, а выход обеспечивается за счет технологических открытий и их внедрения в экономику.

Российские исследователи В. Лапкин, и В. Пантин приходят к выводам в отношении взаимозависимости развития западных экономических циклов и модернизационных усилий России: *«Либеральные (или включающие элементы либерализации) реформы в России всегда приходятся на периоды повышательных волн мировой конъюнктуры, а нелиберальные (а иногда и откровенно антилиберальные) контрреформы – понижательных. Общие причины отмеченной корреляции вполне очевидны. В период повышательных волн, когда мировая конъюнктура поощряет накопление экономического потенциала, у ведущих стран Запада появляются ресурсы для политического, экономического и военного давления на российское государство с целью ограничить его внешнюю экспансию и поставить пределы росту его имперской мощи... По-инициативе разворачиваются события в период понижательных волн, - продолжают российские исследователи, - в это время страны с развитой рыночной экономикой сталкиваются с серьезными внутренними проблемами и противоречиями, нередко оборачивающимися крупными социальными и внешнеполитическими потрясениями. Значительная часть ресурсов ведущих государств уходит на попытку оживить экономику, смягчить последствия социальных конфликтов, а также на гонку вооружений и участие в военно-политическом противоборстве. В этой ситуации их давление на российское государство и общество заметно ослабевает (наиболее яркий тому пример – бессилие Запада перед большевиками в 1918-1923 гг.). Серьезные дисфункции в экономике и политике западных стран (непосредственно и весьма болезненно затрагивающие и Россию) стимулируют российское государство к переходу к более или менее выраженному изоляционизму и протекционистской политике (а порой и к прямому вторжению в сферу экономики). В эти периоды для России характерны умеренные или радикальные контрреформы, в известной мере являющиеся реакцией на весьма неоднозначные, а подчас и плачевные результаты предшествующих реформ»* [1, с. 47-49].

Исходя из приведенной логики, закрытая система «железного занавеса» И. Сталина предполагала жесткий контроль государства над экономической закрытой системой, однако она должна была проходить процесс модернизации с цикличностью 40-50 лет, то есть система должна открываться для масштабного технологического обновления, и после вновь закрываться, обеспечивая, таким образом, самодостаточность своего Большого пространства.

Применение математической методологии доказательства от обратного, может быть полезно в данном направлении. Проведенные исследования в области оценки сокращения производственных, технологических, демографических, культурных потенциалов постсоветского пространства после дезинтеграции СССР предполагают отправную точку отсчета в формировании «Большой интеграционной идеи» [3]. Приведенные официальные статистические данные показывают беспрецедентные сокращения основных критериев, характеризующих государственные системы стран СНГ по сравнению с общесоюзной.

Вторая идейная составляющая интеграционного процесса в настоящее время также отсутствует в российской элите. После краха биполярной системы Москва в духовно-ценностном аспекте признала диктат Запада, присоединившись к демократическому проекту.

Теоретические предпосылки и условия к интеграции могут быть представлены в следующем виде:

- 1) общие экономические интересы;
- 2) общая идеология, включающая или исключая религиозный фактор, культура;
- 3) родственная или общая национальная или культурная принадлежность;
- 4) наличие общей объединяющей угрозы (чаще всего внешней военной);
- 5) понуждение (чаще всего внешнее) к интеграции, искусственное подталкивание объединительных процессов;
- 6) наличие общих границ, географическая близость [4].

В настоящее время со стороны России не прослеживается выдвижения единого интеграционного проекта. Однако это не означает, что таких усилий не предпринимается. Логика действий современной российской элиты подчинена механизму малых дел.

Подобный механизм прослеживается в области «soft power» в деятельности «Фонда Русский мир», «Фонда Горчакова», Федерального агентства «Россотрудничество» и др. Она подчиняется следующей логике российской элиты – лучше сейчас потратить миллионы на поддержку русского языка, культуры и общих программ развития «соотечественников», чем потом бросать миллиарды на оборону, обустроивая новые разделительные линии.

Логика малых дел может быть отмечена в постепенном наращивании присутствия российского капитала в экономиках ближнего и дальнего зарубежья. При этом необходимо понимать, что в существующих условиях экономической и политической парадигмы любой крупный российский капиталист реализует проект покупки зарубежной собственности гораздо быстрее и эффективнее, чем мог бы это сделать в силу коррупции и ограничений бюрократической системы любой российский чиновник.

В плоскости внешней конкуренции логика малых дел, которая впоследствии должна вылиться в целостный интеграционный проект, имеет ряд преимуществ. Они могут быть определены тем фактом, что в геополитическом контексте любая из держав, открыто выдвигая свои претензии на пространство, встречает сопротивление других центров силы, подчиняясь закону: сила действия равна силе противодействия. В исторической ретроспективе данная логика событий подтверждалась многократно.

В конце 2009 года между Россией, Беларусью и Казахстаном были подписаны документы по реализации идеи Таможенного союза. Несмотря на моментальные экономические потери России, Москва пошла на этот шаг. В то же время, положение экономик стран-участниц (полупериферия Россия и периферия Беларусь и Казахстан) предопределяет, что данный механизм столкнется с массой противоречий; это будет затруднять его реализацию. По сути, Таможенный союз это реализация европейского опыта постепенной интеграции. Он может не полностью подходить для постсоветского пространства, вследствие другой природы пространства и типа модернизации – не постепенной, а догоняющей (форсированной) модернизации.

В то же время, даже такой первичной форме интеграции будет моментально сформирована мощная оппозиция внутри самой России, обладающая колоссальными материальными и финансовыми ресурсами: сырьевики и финансисты, по крайней мере, та их часть, которая ориентируется на слабый рубль и сильный доллар США и получает свое благосостояние за счет эмиссионной маржи (игре на курсе). Эти олигархические слои как раз и наполняют сегодняшний скудный бюджет России и, являясь наиболее жизнеспособной частью российской компрадорской экономики, будут всячески противодействовать модернизации и полноценной интеграции.

Таким образом, **первым фундаментальным** условием реинтеграции постсоветского пространства является отсоединение от мировой финансовой и экономической системы, что позволит уйти от чрезмерной зависимости экономической системы по шкале экспорта углеводородов и других видов сырья и импорта продовольствия и товаров с высокой добавочной стоимостью. Такой шаг должен быть соединен в максимальном варианте (и наиболее эффективном для восстановления Большого пространства) с огосударствлением внешней торговли, реализацией приоритетных задач по развитию внутреннего рынка. Отсоединение от финансового центра позволит выйти из полупериферийного и периферийного положения и, таким образом, обеспечить независимость в финансовом, экономическом и политическом аспектах. Полученные средства необходимо направлять на модернизацию с тщательным контролем над реализацией проектов.

Вторым условием реинтеграции является выдвижение большого социального проекта. Сама по себе идея социальной справедливости всегда была популярной на Большом евразийском пространстве, на этой идее строился и создавался СССР и очевидно, что без её реализации идея реинтеграции не получит поддержки «снизу». Советский Союз сам по себе являлся воплощением Большой и конкурентоспособной идеи в плоскости смыслов – идеи социальной справедливости. Представляется, что в современных условиях идея социальной справедливо-

сти должна начать свою реализацию именно в России. Формы её воплощения могут быть разными: от реприватизации самых прибыльных и конкурентоспособных предприятий, которые были отторгнуты от государственной собственности в 90-е гг. XX века, до внедрения системы более равномерного распределения капитала в стране. В плоскости смыслов идея социальной справедливости способна успешно противостоять националистическим идеологиям окраин Большого евразийского пространства.

Третьим условием успешной реализации интеграционного проекта является наличие пассионарной элитарной группы, которая будет «собирать» земли. В разные времена слабости России в процессе восстановления большого пространства появлялась такая группа. Последней была Красная Армия, которая действовала на всей территории бывшей имперской России и склеивала старый имперский проект под новой Большой идеей.

Четвертым условием интеграционного проекта является создание и поддержание конкурентоспособной «Большой идеи», которая будет работать в плоскости смыслов и включать все факторы интеграции. Если не брать во внимание опыт Прибалтики, то можно резюмировать, что все государства постсоветского пространства испытывают глубокие и системные трудности в идеологическом и политическом обосновании своего существования. Даже в Западной части бывшего СССР: Украине, Молдове и Грузии элиты пытаются имитировать механизмы своих западных соседей по бывшему коммунистическому блоку, а элементы демократии выливаются во внешний лоск. Центры геополитической силы, как с Запада, так и с Востока, достаточно удалены, кроме того, они не выдвигают однозначных ответов на интеграцию (ЕС) или их проекты недостаточно привлекательны для местных элит.

В результате реализации интеграционного проекта и, исходя из логики исторического развития, на постсоветском пространстве должна будет появиться новая наднациональная идентичность. Как новой идентичностью являлись в хронологическом контексте: Московия, Российская империя, Советский Союз, постсоветская Россия, *Евразийский союз*.

Исходя из вышеизложенного анализа, следует, что российские проекты по реинтеграции постсоветского пространства будут проходить в рамках двух моделей: полупериферийного положения в отношении Запада, что сулит уязвимость, а по сути, внешний контроль над процессами постсоветской интеграции; и автаркии экономической и социально-политической системы, что даст независимость, устойчивость от внешнего деструктивного воздействия и обеспечит такой важный фактор, как долговременность новому пространственному проекту.

Источники и литература.

1. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Эксмо, 2009. 576 с.
2. Кара-Мурза С.Г., Мусиенко С.Г. Куда идем? Беларусь, Россия, Украина. М.: «Эксмо; Алгоритм», 2009. 432 с.
3. Лапкин В.В., Пантин В.И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. 2005. №3. С.44-58.
4. Михеев С.А. Постсоветское пространство: элиты против интеграции [Электронный ресурс] // Мультипортал КМ.RU. Режим доступа: <http://www.km.ru/magazine/view.asp>
5. Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: «Алгоритм», 2006. 636 с.
6. Цымбурский В. Л. Геополитика для "евразийской Атлантиды". [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_27_5_00_1.htm
7. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI в. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: III тысячелетие, 2001.
8. Юрченко С.В. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств // Черноморська безпека. №4(10). 2008. С.3-5.
9. Huntigton S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York.: "Simon & Schuster", 2004. 428 p.
10. Spykman N.J. America's strategy in world politics: the United States and the balance of power. N.Y.: Harcourt, Brace, 1942. 500 p., Spykman N.J. The Geography of the peace. Harcourt, Brace, 1944. 66 p.